

Отзыв члена Комитета

Орехов Борис Валерьевич, кандидат филологических наук

о диссертации Саркисова Ивана Владимировича
на тему: «Метрические закономерности тайской и бирманской поэзии»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа Ивана Владимировича Саркисова представляет собой важный этап в картировании стиховых форм по аналогии с той работой по устранению белых пятен, которую уже довольно давно ведут лингвисты-типологи с языковым материалом. Сравнительно неплохо изучен стих народов Европы, аккуратно описаны классические поэтические традиции Греции, Рима, Индии, Китая, Аравии, Ирана, многое сделано для изучения стиха народов бывшего СССР. Очевидно, что для построения качественной типологии систем стихосложения требуются расширяющие знания стиховедов основательные работы о других традициях, не попавших в поле зрения предыдущих поколений.

Диссертация И. В. Саркисова относится как раз к таким научным сочинениям и позволяет серьезно раздвинуть географические рамки стиховедческого зрения, что, без сомнения, очень позитивно влияет на восприятие защищаемого текста.

Первая глава посвящена определению методологических оснований и терминологическому тезаурусу работы, о ней мы специально поговорим ниже. Здесь же скажем, что наличие такой части, раскрывающей научные ориентиры диссертации в высшей мере похвально.

Вторая глава отведена под обзор литературы, и поэтому по необходимости невелика. Перечисленные в ней труды предшественников свидетельствуют об актуальной необходимости изучения того материала, с которым работает диссертант.

Третья глава включает информацию о культурном фоне исследуемых поэтических традиций. С одной стороны, эта информация в структуре диссертации кажется избыточной, поскольку автор принципиально дистанцируется от всего, что выходит за рамки формального описания стиховедческих параметров (см. стр. 8). С другой, уточнения, сделанные в

этой главе, позволяют лучше ориентировать читателя, правильно позиционировать собственно стиховедческие данные.

Дальнейшие главы посвящены собственно стиховедческому анализу поэтических традиций Юго-Восточной Азии, и демонстрируют в этом смысле захватывающий по фактуре и любопытный по аналитическому подходу сюжет. Диссертант производит редукцию языкового материала, которую называет моделированием, и ищет закономерности в распределении выделенных параметров. Особенное внимание уделено метрам кхлонг и рай.

Сделанные наблюдения представляют немалый интерес для типологического стиховедения, хотя в самой работе типологических параллелей как раз очень не хватает. Так, одно из ценных замечаний диссертанта касается участия графики в создании стиха, и автор отмечает, что ему неизвестно «ни одного аналогичного стихотворного размера в иных поэтических традициях» (стр. 65). Между тем, учет именно графического облика слова в стихе (хотя и не полностью определяемый графикой метр) – известный эффект, например, для староузбекской поэзии, адаптирующий систему арабо-персидского аруза. Таких типологических параллелей напрашивается довольно много (например, проблема соотношения стихового членения и графического отображения стиха, имеющая свою проблематизацию в восточной поэтике, см. (Орехов, 2019)), они могли бы существенно обогатить работу.

Вопросы вызывает заметная в работе фетишизация подсчетов. Один из основоположников внедрения количественных методов в анализ поэтического текста Б. И. Ярхо в свое время недвусмысленно писал: «Ни один математический акт не должен совершаться, пока в него не будет вложен конкретный литературоведческий смысл». В этой цитате с легкостью можно заменить слово «литературоведческий» на «стиховедческий» и адресовать ее автору работы. Диссертант часть не вполне внятно формулирует, зачем нужны те или иные подсчеты, и почему из получившихся чисел должны следовать именно эти выводы.

Специалисты по цифровым гуманитарным наукам давно знают, что сами по себе числовые данные не гарантируют ни убедительности выводов, ни достоверности результатов исследования. Важно не то, есть ли подсчеты, а то, что и зачем считают. Например, на стр. 57 диссертации сказано: «первостепенными задачами на пути дальнейшего изучения клона должны стать проверка утверждения о его силлабическом характере путём подсчёта количества слогов в строках для достаточно репрезентативного объёма написанных им стихотворных текстов, а также проверка влияния на его структуру иных факторов, в первую очередь, ударения». Однако добросовестному исследователю, который занимался исследованием силлабического стиха, очевидно, что силлабичность или несиллабичность метра невозможно проверить подсчетами. Во-первых, нужно будет сперва

операционализовать (то есть, по сути, переформулировать) понятие силлабичности в таких терминах, чтобы оно согласовывалось с возможностями количественных методов. Во-вторых, поскольку силлабичность не тождественна изосиллабичности, необходимо будет принять возможную величину отклонения от изосиллабичности, которая при этом не противоречила бы силлабичности. Эта величина обязательно будет определяться при участии субъективизма исследователя, нивелирующего доказательную силу подсчетов. В-третьих, с тем же субъективизмом необходимо будет решить проблему разного рода «помех», которые будут или не будут взаимодействовать с силлабичностью. Например, русский силлабо-тонический стих в основном выдерживает принцип силлабичности, но определяющим мы все-таки считаем в нем роль ударения. Но даже учет ударности слога не избавляет нас от «серой зоны», в которой находятся стихи Третьяковского периода «Нового и краткого способа к сложению российских стихов», где введена частичная тонизация силлабики. «Стихотворчеству нас бог токмо научает. / Стихотворчеством нашли многи славу в людях» – это еще силлабика или уже силлабо-тоника? Решает стиховед. Не подсчеты, а субъективные классификационные решения исследователя в итоге определяют природу метра.

При этом в работе присутствуют попытки отождествить современное стиховедение с количественным, чему противоречит наличие целого ряда важных для современного стиховедения работ, которые не используют методы количественного описания.

Тем не менее, работа насыщена весомыми наблюдениями, которые выводят защищаемую диссертацию в разряд обязательных к ознакомлению для тех, кто занимается исследованием метрики плохо изученных традиций. Особенно любопытным нам представляется описание структуры рифмы в метре рай.

В то же время, погрузившись в эмпирическое исследование во всех отношениях интересного материала, автор теряет бдительность и допускает ряд логических ошибок в экспликации своего терминологического аппарата. Может быть, об этом и не стоило говорить на фоне явных достижений в освещении собственно тайского и бирманского материала. Однако диссертант сам на стр. 12 прямо говорит: «стиховедение, как и в любая наука, требует строгости и потому оставлять базовые понятия без определения представляется нам неправильным». Расширяя до ученого формулировку Пушкина, который в 1825 году в письме Александру Бестужеву писал, что «драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным», решимся обратить на эти ошибки внимание.

Кроме того, необходимость в определении терминов диктуется требованием успешности научной коммуникации. Проще говоря, если не

условиться в том, какие понятия и с какими значениями используются в тексте научной работы, то такую работу будет невозможно понять правильно.

Проблемные места главным образом концентрируются в первой главе.

Начнем не с терминологии, а с выхода автора за пределы границ, традиционно очерчиваемых наукой.

На стр. 6: «Хотя в настоящее время переводы иностранной поэзии всё чаще выполняются верлибром, подобный подход представляется нам неправильным, так как противоречит более чем двухсотлетней традиции...». Отметим, что прескриптивность не добавляет работе научности, тем более так слабо аргументированная. Сама по себе традиционность какого-то решения не является хорошим аргументом против новых форм. Мы же не говорим, что «большинство книг сегодня читаются в виде электронных файлов, но это неправильно, потому что противоречит основанной Гутенбергом традиции знакомиться с печатным текстом». Очевидно, верлибризованные переводы – это закономерный этап (или итог) эволюции художественного перевода. Чтобы спорить с естественным течением истории, нужны более серьезные основания, чем личное мнение и убежденность.

На стр. 9 мы снова возвращаемся к методологической проблеме подсчетов: «статистические данные необходимы для подтверждения любого заключения о характере метрики неисследованной или плохо исследованной поэтической традиции, подобно тому, как в фонетике предъявление минимальных пар необходимо для постулирования фонемного статуса тех или иных звуков, а в морфологии и синтаксисе примеры каких-либо грамматических явлений в конкретном языке необходимы для обоснования утверждения о наличии в нём этих явлений».

Сформулированная аналогия с лингвистикой не только не поясняет дело, но и запутывает его: предъявление пар и приведение примеров не является количественным исследованием. Почему для стиха критичны количественные, а для фонетики и грамматики качественные исследования, и почему диссертант считает, что между их необходимостью есть какая-то аналогия? Значит ли это, что по мнению автора природа фонетики и грамматики в меньшей степени подходит для количественных исследований, чем стих? В любом случае, если речь идет о необходимости количественных исследований, проведенная аналогия с неколичественными изысканиями представляется малопоказательной, и, как минимум, ни в чем не убеждает. А может быть, даже и ведет к противоположному выводу: раз лингвисты обходятся без подсчетов в фонологии и синтаксисе, значит, без подсчетов можно обойтись и стиховедам.

На стр. 11 говорится, что «вопрос о том, что, собственно, такое сам стих и поэзия, обычно оставляется в стороне». В качестве примера отсутствия определения стиха приводится работа Л. Мюллера, написанная до начала собственно научного стиховедения (1885). Но ведь мы не упрекаем

Декарта или Ньютона в том, что они не приводят в своих трудах определений кварков, мюонов и тау-лептона. Между тем, никаких проблем с определением стиха в стиховедении уже давно нет. По Томашевскому: «1) стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь; 2) стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает... Для современного восприятия первый пункт значительнее второго». По Гаспарову: «Стих — это прежде всего речь, четко расчлененная на относительно короткие отрезки, соотносимые и соизмеримые между собой». По Шапиру: «Стих представляет собой систему сквозных принудительных парадигматических членений, формирующих дополнительное измерение текста». Наверное, стоило бы привести современные работы, в которых исследователи бы недоумевали по поводу того, что такое стих, но найти такие гораздо сложнее, чем те, что были изданы полтора века назад. При этом собственно упомянутая в диссертации работа 2005 года об античной метрике не показательна, потому что ее авторы просто не нуждаются в определении стиха как в тривиальном знании, и поэтому его не приводят.

С серьезными проблемами консистентности терминологии мы сталкиваемся, когда автор начинает давать собственные определения. По нашему мнению определения должны быть последовательными, непротиворечивыми и покрывать по возможности все случаи, демонстрируемые исследуемым объектом. Этого, увы, нельзя сказать о представленном к защите тексте.

Стр. 14: «Понятие метрики, которую мы можем определить как совокупность правил и закономерностей, регулирующих разбиение стихотворного текста на подобные «соотносимые и соизмеримые отрезки». Вроде бы, здесь мы видим следы определения стиха по Гаспарову. Однако эта формулировка дополнена следующей: «Если деление текста на строки обусловлено общим числом слогов в строке, метрика является силлабической, если количеством долгих слогов в строке, то метрической, если последовательностью ударных и безударных слогов, то – силлабо-тонической и т.д.»

Эта формулировка, очевидно, ошибочна. Она справедлива только по отношению к силлабике, где в самом деле число слогов в строке определяет, в каком месте строка должна закончиться, а за ней начаться новая. Но ни к метрической, ни к силлабо-тонической поэзии такой подход не применим. Если пытаться спроецировать эту формулировку на греческий гекзаметр (надеюсь, мы совпадаем в том, что это метрический стих), она должно означать, что гекзаметрическая строка должна закончиться тогда, когда в ней наберется нужное число долгих слогов. Это не так. Дело вовсе не в количестве долгих слогов, гораздо важнее количество мор, а долгота и краткость должны быть особым образом распределены по строке, и это

распределение в формулировке диссертанта полностью игнорируется (см. «количеством долгих слогов в строке»). Что касается количества, то в первой строке «Илиады» 7 долгих слогов, а в шестой – 9.

На силлабо-тонику эта формулировка не может быть спроецирована в принципе, так как совершенно не ясно, как последовательность ударных и безударных слогов связана с членением на строки. Значит ли это, что граница строки должна возникать непременно после ударного слога? Или после непременно безударного? Или после определенных последовательностей типа «ударный-безударный-ударный»? После даже самого поверхностного наблюдения над силлабо-тоникой должно стать ясно, что даже если анализировать икты, а не ударные слоги, граница стиха может проходить в совершенно произвольном месте относительно последовательности, благодаря чему возможны самые разнообразные метрические формы: Я4м, Я4ж, Я4д и т. д.

Если все же попробовать понять ход мысли соискателя, то следует сделать предположение, что он рассматривает формирование стиха благодаря некоторым метрическим правилам, следствием которых является деление на строки. Как уже говорилось, с некоторыми оговорками можно было бы принять эту точку зрения для силлабического стиха, хотя это и противоречит выдвинутой нами на эмпирическом материале гипотезе паритивного счета в башкирской поэзии. В метрической и силлабо-тонической метрике происходит, по всей видимости, обратная ситуация: первично именно членение на строки как своего рода каркас стиха, а уже внутри этого каркаса начинают действовать правила метрики. Но главное, что определение соискателя, инвертирует причину и следствие и поэтому противоречит в том определении стиха, на которое соискатель опирается.

Еще со стр. 14: «Если же разбиение текста на строки не подчиняется никаким закономерностям, но при этом всё равно, в отличие от прозаического текста, является не произвольным». Однако формальная логика подсказывает, что если разбиение текста на строки не подчиняется закономерностям, оно с обязательностью является произвольным. Если она не является произвольным, значит, подчиняется закономерностям. В тексте диссертации, таким образом, явная логическая ошибка.

Далее диссертант ссылается на рассуждения М. И. Шапира о ритме стиха, данные в работе «“Versus” vs “Prosa”: Пространство-время поэтического текста», сетуя на сложность и слабую практическую применимость, что производит странное впечатление, поскольку в другой работе М. И. Шапира «О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие)», приводится именно определение стиха (выше цитированное): «Стих представляет собой систему сквозных принудительных парадигматических членений, формирующих дополнительное измерение текста». Это определение ничуть не менее операционально, чем определение

Гаспарова, более того, можно сказать, что два эти определения взаимно конвертируются друг в друга, поскольку «соотносимость и соизмеримость» и есть то самое парадигматическое членение в формулировке Шапира, поскольку «стиховые членения — парадигматические: образованные ими ритмические единицы одного уровня соотносятся как варианты общего инварианта» (там же). «Соотносимость» даже дословно фигурирует у обоих авторов. Иными словами, Шапир не заслужил той критики, которая ему адресована в диссертации, и это именно соискателю при разговоре об определении стиха следовало взять за основу другую работу Шапира.

Таких абстрактных рассуждений, плохо согласующихся с накопленным стиховедением эмпирическим материалом в диссертации достаточно. Это вызывает тем большее сожаление, что одна из декларируемых целей диссертации состоит в построении типологического описания метрики. Типологические исследования гораздо лучше смотрятся при аккуратном учете контрастивного или подкрепляющего материала, подсказываемого тем, что называется типологической эрудицией.

Наконец, автор солидаризируется с утверждением предшественника: «Не отрицая того факта, что статистические данные малопригодны для изучения эстетической и содержательной стороны текста...». Мне как академическому руководителю образовательной программы «Цифровые методы в гуманитарных науках» читать такое несколько обидно. Статистические методы пригодны для изучения содержательной и даже эстетической стороны художественного текста, это доказано практикой в целом ряде успешных научных исследований. Область, в которой такие исследования проводятся, называется *digital humanities*, у нее есть интересные достижения за последнее десятилетие, и эти достижения не стоит игнорировать.

Несмотря на отмеченные непоследовательности, диссертация представляет собой самостоятельное, завершенное и обладающее ценностью для науки исследование, а ее автор, Саркисов Иван Владимирович, достоин степени кандидата филологических наук.

Орехов Борис Валерьевич
кандидат филологических наук

18 октября 2022

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
доцент
borekhov@hse.ru